

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
22 January 2020
Russian
Original: English

Совет по правам человека

Сорок третья сессия

24 февраля – 20 марта 2020 года

Пункт 3 повестки дня

**Поощрение и защита всех прав человека,
гражданских, политических, экономических,
социальных и культурных прав,
включая право на развитие**

Визит в Казахстан

Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом* **

Резюме

Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом Финнуала Ни Илойн посетила Казахстан с официальным визитом 10–17 мая 2019 года. Казахстан в последние десятилетия добился заметных успехов в экономической и социальной сферах, определил свои национальные приоритеты, включая молодежную политику, занятость и образование, в соответствии с целями в области устойчивого развития. Казахстан занимает лидирующие позиции в сфере безопасности в регионе и стал первой центральноазиатской страной, избранной непостоянным членом Совета Безопасности (2017–2018 годы).

Специальный докладчик выражает признательность Казахстану за возвращение 516 человек, в основном женщин и детей, из районов конфликта в Сирийской Арабской Республике и Ираке и проведение в январе и мае 2019 года нескольких операций по репатриации. Она отмечает, что это не только демонстрирует неукоснительное выполнение Казахстаном своих международных обязательств, предусмотренных резолюцией 2178 (2014) Совета Безопасности, но и является позитивной гуманитарной мерой по улучшению бедственного положения тех женщин, мужчин и детей, которые в нечеловеческих условиях содержатся в переполненных лагерях на северо-востоке Сирийской Арабской Республики.

* Резюме доклада распространяется на всех официальных языках. Сам доклад, содержащийся в приложении к резюме, распространяется только на том языке, на котором он был представлен, и на русском языке.

** На основании достигнутой договоренности настоящий доклад издается позднее предусмотренного срока его публикации в связи с обстоятельствами, не зависящими от представляющего доклад лица.

Специальный докладчик обращает внимание на ряд серьезных проблем в области прав человека, обусловленных действующими в Казахстане правовыми нормами обеспечения безопасности, борьбы с терроризмом и экстремизмом. Она считает, что важные положения уголовного права, касающиеся терроризма и экстремизма, сформулированы слишком туманно и нечетко и поэтому ущемляют основные права человека, защищаемые международным правом, включая, в частности, право на выражение мнений, свободное передвижение, семейную жизнь и свободу религии и убеждений. Она серьезно обеспокоена использованием в национальном законодательстве и практике термина «экстремизм». Она особо отмечает применение статьи 174 Уголовного кодекса, особенно по отношению к деятельности активистов гражданского общества и религиозных меньшинств. Она приходит к выводу о том, что размытая формулировка понятий «экстремизм», «разжигание социальной или классовой ненависти» и «религиозная ненависть или вражда» в национальном законодательстве используется для неправомерного ограничения свободы религии, выражения мнений, собраний и ассоциации.

Совокупные и дублирующие друг друга меры по регулированию порядка создания и деятельности общественных объединений, религиозных объединений и политических партий позволяют властям серьезно ограничивать и вмешиваться в деятельность этих групп, что приводит к их дискредитации и маргинализации, а то и прямому запрещению.

Специальный докладчик рассматривает вопросы применения санкций и финансовых ограничений и включения в особые перечни в соответствии с национальным законодательством. Она особенно обеспокоена тем, что в национальный перечень организаций и лиц, связанных с финансированием терроризма, помимо лиц, осужденных за преступления, связанные с финансированием терроризма, автоматически включаются лица, осужденные за другие (не связанные с финансированием) преступления террористического характера, лица, осужденные за преступления, связанные с экстремизмом, а также лица, в отношении которых имеются подозрения в причастности к этим преступлениям, но в отношении которых отсутствуют достаточные доказательства для судебного преследования, что, как представляется, является произволом и свидетельствует об отсутствии достаточного надзора. Она отметила отсутствие правовой ясности в отношении государственного органа, отвечающего за включение организаций и лиц в этот перечень, а также существенные недостатки в процессе обжалования и рассмотрения дел включенных в перечень лиц.

Специальный докладчик воодушевлена прогрессом, достигнутым Казахстаном за последние десятилетия в отношении пенитенциарной системы в плане общего сокращения численности заключенных и разработки альтернативных мер наказания. Тем не менее она видит возможности для улучшения ситуации в области надзора и обеспечения реального доступа к заключенным в отношении лиц, подвергающихся пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению в тюрьме. Она обращает внимание на недостатки режима содержания под стражей лиц, осужденных за терроризм или экстремизм, с точки зрения прав человека. В докладе сформулированы конкретные рекомендации в отношении условий содержания таких лиц в исправительных учреждениях.

Специальный докладчик настоятельно призывает обеспечить соблюдение прав человека при регулировании Интернета и избегать полного отключения Интернета, что, по ее мнению, является несоразмерной и ненужной мерой и к тому же нарушает основное право на выражение мнений.

Приложение

Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом о ее поездке в Казахстан

I. Введение

1. Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом Финнуала Ни Илойн совершила официальную поездку в Казахстан с 10 по 17 мая 2019 года, чтобы оценить соответствие законов, политики и практики страны в области борьбы с терроризмом с ее международными обязательствами в области прав человека.

2. Специальный докладчик высоко оценивает конструктивный подход правительства к организации ее визита, который позволил провести откровенный и открытый диалог по многим вопросам. Она особенно благодарит Министерство иностранных дел за активное содействие выполнению ее мандата. Она также благодарит Региональное отделение Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ) для Центральной Азии в Бишкеке за помощь в работе ее время визита.

3. Специальный докладчик провела встречи с Уполномоченным по правам человека; заместителем Генерального прокурора; Председателем Комитета по финансовому мониторингу Министерства финансов; Председателем Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел; заместителем Министра внутренних дел; заместителем Министра иностранных дел; главой одного из департаментов Комитета национальной безопасности; Председателем Антитеррористического центра; Председателем Конституционного Совета; Председателем судебной коллегии Верховного суда; Председателем Комитета по международным делам, обороне и безопасности нижней палаты парламента; Министром информации и общественного развития; и заместителем Министра юстиции.

4. В ходе своей поездки Специальный докладчик посетила Нур-Султан, Алматы и Актау. Она посетила СИЗО в Талдыкоргане и семейный центр в Каскелене. Она благодарит правительство за организацию посещения «центра адаптации» в Актау, что дало ей уникальную возможность встретиться с возвращенцами из зоны сирийского конфликта, а также с администрацией и сотрудниками этого центра. Она также провела встречи с широким кругом организаций гражданского общества, активистами, учеными, юристами и экспертами в области прав человека, а также со страновой группой Организации Объединенных Наций.

5. Специальный докладчик, однако, выражает сожаление по поводу того, что представители Министерства обороны отказались от встречи с ней под тем предлогом, что их министерство не занимается вопросами борьбы с терроризмом. Эта позиция явно противоречит как национальному законодательству, в котором закреплена роль должностных лиц министерства в проведении контртеррористических операций, так и практике министерства, которое ранее проводило международные конференции, посвященные борьбе с терроризмом.

A. Общий контекст и правовые рамки

6. Устойчивое экономическое развитие, строительство инфраструктуры, рост городов и курс на интенсивный рост в Казахстане сформировали экономическую платформу и усилили влияние страны в региональном и глобальном масштабах. Специальный докладчик высоко оценивает тот факт, что особое внимание уделяется

молодежной политике, вопросам занятости и образования в соответствии с Целями Организации Объединенных Наций в области устойчивого развития.

7. Казахстан – важный международный и региональный игрок. Казахстан стал первой центральноазиатской страной, избранной непостоянным членом Совета Безопасности (2017–2018 годы). В это время в Казахстане был разработан Кодекс поведения по достижению мира, свободного от терроризма. Казахстан является одним из основателей Шанхайской организации сотрудничества, которая занимается в основном проблемами региональной безопасности, включая терроризм, этнический сепаратизм и религиозный экстремизм¹.

8. Согласно Индексу глобального терроризма, Казахстан относится к числу стран с низким уровнем террористической опасности (1,57)², при том, что за период с 2002 по 2017 год среднее значение индекса составило 1,21. Должностные лица Комитета национальной безопасности подтвердили, что, по их собственной оценке, с 2016 года в Казахстане сохраняется очень низкий уровень террористической угрозы³. Согласно информации властей, в стране имели место отдельные акты терроризма (например, в Атырау в 2011 году и Актобе в 2016 году). Министерство иностранных дел сообщило об 11 случаях террористических нападений, которые были совершены за последние семь лет, а Комитет национальной безопасности проинформировал о предотвращении 30 террористических актов, но практически никакой дополнительной информации, помимо этих статистических данных, представлено не было. Учитывая, что Специальный докладчик придает особое значение правам жертв терроризма, она выражает сожаление по поводу того, что ей не была предоставлена возможность встретиться с ними, узнать об их опыте и ознакомиться с правовыми нормами, регулирующими вопросы оказания поддержки пострадавшим.

9. Ряд граждан Казахстана присоединились к террористическим и негосударственным вооруженным группам в Сирийской Арабской Республике и Ираке. Организация их возвращения создает определенные трудности, связанные с безопасностью и реабилитацией этих лиц. Специальный докладчик выражает признательность Казахстану за принятие мер по возвращению 516 человек, в основном женщин и детей, из районов конфликта в Сирийской Арабской Республике и Ираке в январе и мае 2019 года. Она отмечает, что это не только демонстрирует неукоснительное выполнение Казахстаном своих международных обязательств, предусмотренных резолюцией 2178 (2014) Совета Безопасности, но и является позитивной гуманитарной акцией по улучшению бедственного положения лиц, которые в нечеловеческих условиях содержатся в переполненных лагерях на северо-востоке Сирийской Арабской Республики. Она подтверждает готовность правительства компенсировать безнаказанность в Сирийской Арабской Республике и Ираке путем судебного преследования в Казахстане тех лиц, в отношении которых имеются достаточные доказательства совершения ими преступлений. Она надеется на продолжение диалога с правительством по процессу реинтеграции и призывает Казахстан послужить в этой связи примером для других стран.

10. Казахстан – многонациональная страна со значительными людскими ресурсами и потенциалом, отличительной особенностью которой является религиозный плюрализм. Казахстан определяет себя как сугубо светское и недискриминационное общество, обладающее с незапамятных времен культурой религиозной терпимости, особенно к сложившимся религиозным общинам (A/HRC/28/66/Add.1, пункт 3). В наследство от советского строя стране достался жесткий контроль исполнительной власти над экономикой и политикой, а также важное место служб безопасности в поддержании внутренней стабильности. Это зачастую осуществляется за счет подавления мирного проявления инакомыслия, конструктивной критики политики

¹ См. <http://eng.sectesco.org>.

² См. <https://tradingeconomics.com/kazakhstan/terrorism-index>.

³ В соответствии с общедоступной государственной системой классификации уровней террористической опасности могут устанавливаться следующие уровни: отсутствие цвета, желтый, оранжевый и красный. Самому высокому уровню опасности присваивается красный цвет, а отсутствие цвета говорит о низком уровне террористической опасности.

правительства и деятельности новых религиозных групп в нарушение основных свобод.

11. Визит Специального докладчика совпал по времени с периодом важных политических преобразований. Во время начала ее визита в стране прошли митинги, которые привели к массовым задержаниям, а 9 и 10 июня во многих городах состоялись новые масштабные акции протеста, в ходе которых были арестованы тысячи человек и около 1 000 человек были подвергнуты административным наказаниям⁴, – все эти случаи стали причиной для серьезной обеспокоенности в отношении соблюдения процессуальных норм⁵. Специальный докладчик отмечает, что эти события весьма показательны в свете выявленных в ходе посещения страны серьезных проблем.

В. Международно-правовая основа

12. Казахстан является государством – участником Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к нему, Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и Факультативного протокола к ней, Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений, Конвенции о правах ребенка, Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

II. Основные проблемы в области прав человека в контексте борьбы с терроризмом и предотвращения насильственного экстремизма

А. Сфера охвата криминализации преступлений терроризма и экстремизма

13. Специальный докладчик отмечает, что различные положения Уголовного кодекса Казахстана, предусматривающие уголовную ответственность непосредственно за терроризм и экстремизм, наряду с преступлениями, квалифицируемыми в качестве экстремистских⁶, не могут рассматриваться в отрыве от остального законодательства. В нем имеется множество иных положений, которые пересекаются с этими нормами, продиктованными соображениями безопасности, и дублируют их в контексте противодействия терроризму и экстремизму. В совокупности эти элементы представляют собой комплекс правоограничивающих нормативных актов, направленных на жесткое регулирование деятельности групп и отдельных лиц и опирающихся на широкие и нечетко определяемые понятия «терроризма» и, особенно, «экстремизма» в качестве всеобъемлющего основания для действий правительства.

⁴ См. <http://prokuror.gov.kz/eng/news/press-releases/representatives-general-prosecutors-office-and-ministry-internal-affairs>. Специальный докладчик особенно встревожена задержанием иностранного корреспондента, с которым она познакомилась во время посещения страны.

⁵ Office for Democratic Institutions and Human Rights of the Organization for Security and Cooperation in Europe, “International Election Observation Mission, Republic of Kazakhstan – Early Presidential Election, 9 June 2019, Statement of Preliminary Findings and Conclusions” (Vienna, 2019).

⁶ Уголовный кодекс, статьи 174, 179–182, 184, 258–260, 267, 404–405.

1. Многочисленные чрезмерно широкие и расплывчатые положения, касающиеся терроризма и экстремизма

а) Преступления терроризма

14. Специальный докладчик внимательно изучила положения Уголовного кодекса, касающиеся преступлений террористического характера. Она считает, что внутреннее законодательство, регулирующее правонарушения, связанные с терроризмом (несмотря на поправки, внесенные в 2017 году), остается слишком широким и нечетко сформулированным в нарушение международного права⁷. Она, в частности, отмечает определение акта терроризма (статья 255 Уголовного кодекса), включающее «иные действия», которые могут причинить «значительный имущественный ущерб» или осложнить «международные отношения». Эти невнятные формулировки распространяют понятие преступления не только на акты или угрозы насилия со смертельным исходом, но и на действия, охраняемые как законное осуществление основных свобод. В том же ключе статья 256 Уголовного кодекса в весьма общих чертах предусматривает уголовную ответственность за «пропаганду терроризма или публичные призывы к совершению акта терроризма», что позволяет произвольно применять ее для запрета законного выражения мнений⁸. Она отмечает, что вопреки утверждению некоторых государственных органов о том, что эта статья устанавливает уголовную ответственность за подстрекательство к терроризму, как того требует резолюция 1624 (2005) Совета Безопасности, подстрекательство к терроризму применимо только к актам подлинно террористического характера и должно включать такой существенный элемент, как «намерение побудить к совершению террористического акта», кроме того, необходимо наличие непосредственной связи между действием – в том числе явно выраженным актом – и фактической (т. е. объективной) опасностью совершения террористического акта. Ни один из этих элементов не присутствует в статье 256, открывая возможности ее неправомерного применения в отношении средств массовой информации и журналистов. Статья 180, предусматривающая в общих чертах уголовную ответственность за «пропаганду или публичные призывы к нарушению целостности... Республики Казахстан», содержит аналогичные пробелы, позволяющие применять ее к свободе выражения мнений, охраняемой международным правом⁹. Статья 257, касающаяся создания и руководства террористической группой, а также участия в ее деятельности, имеет более широкие последствия, когда речь идет об организации гражданского общества, определяемой в качестве экстремистской или террористической, что создает многоуровневый набор пересекающихся категорий, которые могут ущемлять права на свободу выражения мнений и ассоциации и могут несоразмерно применяться¹⁰. Наконец, статья 258 Уголовного кодекса о финансировании терроризма допускает широкое толкование и вызывает озабоченность с точки зрения правовой определенности. С учетом обеспокоенности Специального докладчика по поводу туманности формулировок и практики предъявления обвинений в преступлениях террористического характера положение о финансировании терроризма еще более усугубляет правовую неопределенность, поскольку наказание за это преступление может носить уголовный, гражданский или административный характер.

⁷ Следует обратить внимание на позицию Комитета по правам человека, изложенную в пункте 46 его замечания общего порядка № 34 (2011) о свободе мнений и их выражения, в котором он заявил, что преступления, связанные с экстремизмом, должны иметь четкое определение.

⁸ Преступление наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет с конфискацией имущества; для «лидеров общественных объединений» предусмотрено более суровое наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет.

⁹ Лицам, нарушившим статью 180, грозит лишение свободы на срок до семи лет в дополнение к штрафу.

¹⁰ Статья 257 предусматривает более суровые наказания для «лидеров общественных объединений» в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет.

b) *Преступления, связанные с экстремизмом*

15. Специальный докладчик обращает внимание на серьезную обеспокоенность в связи с использованием термина «экстремизм» в национальном законодательстве и на практике (A/HRC/31/65, пункт 21). Хотя в некоторых резолюциях Совета Безопасности признается наличие проблем, связанных с насильственным экстремизмом, ведущим к терроризму, о чем свидетельствует План действий Генерального секретаря по борьбе с насильственным экстремизмом 2016 года¹¹, она разделяет обеспокоенность по поводу использования термина «экстремистская деятельность», которую выражают договорные органы по правам человека¹². По ее мнению, термин «экстремизм» не имеет ничего общего с обязательными для исполнения международно-правовыми нормами, причем, будучи использован в качестве уголовно-правовой категории, он противоречит принципу правовой определенности и как таковой несовместим с осуществлением некоторых основных прав человека. Бывший Специальный докладчик заявил о своей обеспокоенности по поводу того, что термин «экстремизм» используется не как часть стратегии противодействия насильственному экстремизму, а как преступление само по себе (A/HRC/31/65, пункт 21). Она считает, что все эти проблемы имеют отношение к осуществлению, в частности, статей 174, 179 и 405 Уголовного кодекса¹³. Наиболее часто применяемая против активистов гражданского общества статья 174 Уголовного кодекса, устанавливающая уголовную ответственность за возбуждение социальной, национальной, родовой, классовой, расовой или религиозной розни – а эти признаки могут толковаться в самом широком смысле, – не обеспечивает подлинной защиты лицам, принадлежащим к группам меньшинств. Лидеры общественных объединений, признанные судом виновными, приговариваются к длительным срокам лишения свободы. Этот последний элемент, как представляется, имеет своей целью затруднять деятельность групп гражданского общества и активистов. В заключение она отмечает, что определение разжигания ненависти не согласуется с пунктом 2 статьи 20 Международного пакта о гражданских и политических правах. Хотя недопустимые основания для разжигания ненависти (национальная, расовая или религиозная принадлежность), перечисленные в пункте 2 статьи 20, составляют далеко не исчерпывающий перечень, их следует рассматривать в свете права на недискриминацию, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 2 и в статье 26 Пакта. Ограничение права на свободу выражения мнений по крайне неконкретным и субъективным основаниям, не признаваемым нормами в области прав человека – со ссылкой, например, на такие не имеющие четкого определения термины, как «рознь» или «оскорбление национальной чести и достоинства или религиозных чувств», – не обеспечивает правовой определенности, с тем чтобы отдельные лица могли соответствующим образом регулировать свое поведение. Специальный докладчик считает, что в статье 174 отсутствует четкое определение того, что следует считать возбуждением розни, и повторяет, что в соответствии с международными стандартами при решении вопроса о том, можно ли признать выражение того или иного мнения разжиганием ненависти, необходимо учитывать шесть элементов: общий контекст; личность высказавшего это мнение; намерение; содержание и форму высказывания; масштабы выступления; и вероятность причинения вреда, включая его неизбежность¹⁴. Отсутствие точности усугубляется субъективностью в определении того, что можно считать экстремизмом. Специальный докладчик отмечает, что, как правило, это определение формулируется на основе мнений назначенных правительством благонадежных «экспертов» (лингвистов, филологов, психологов, теологов и политологов), перед которыми ставится задача определить, содержит ли какой-либо документ, заявление или группа экстремистский элемент. После вынесения такого мнения его очень сложно оспорить или опровергнуть на практике. Поэтому Специальный докладчик полностью согласна с оценкой Комитета по правам

¹¹ См. www.un.org/counterterrorism/plan-of-action-to-prevent-violent-extremism. См. также резолюцию 70/291 Генеральной Ассамблеи.

¹² Замечание общего порядка № 34, пункт 46.

¹³ В частности, статьи 180–182, 184, 258–260, 267 и 404.

¹⁴ Рабатский план действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющей собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию.

человека о том, что широкая формулировка понятий «экстремизм», «разжигание социальной или классовой ненависти» и «религиозная ненависть или вражда» может быть использована для неправомерного ограничения свободы религии, выражения мнений, собраний и ассоциаций (CCPR/C/KAZ/CO/2, пункт 13).

c) *Правовые обязательства, возлагаемые на организованные группы*

16. Совокупные и дублирующие друг друга меры по регулированию порядка создания и деятельности общественных объединений, религиозных объединений и политических партий позволяют властям серьезно ограничивать и вмешиваться в деятельность этих групп, что приводит к их дискредитации и маргинализации, а то и прямому запрещению. Так, двойные требования Закона «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» в отношении регистрации в качестве религиозной организации и соблюдения определенных теологических критериев для получения разрешения на регистрацию налагают несоразмерное бремя на определенные группы. Обязательная для всех религиозных объединений «религиоведческая экспертиза», которая проводится Комитетом по делам религий (Министерство информации и общественного развития), может стать особенно проблемной процедурой для новых незарегистрированных религиозных групп, а отсутствие заключения такой экспертизы может быть чревато обвинениями в экстремизме. В этом же ключе следует отметить положения Закона «Об общественных объединениях», требующие под угрозой уголовных санкций регистрации всех объединений¹⁵, и Закона «О политических партиях», который налагает обременительные обязательства до регистрации и дает государственным органам возможность отказать в регистрации на сомнительных основаниях. Она также отмечает, что группам лесбиянок, гомосексуалов, бисексуалов, трансгендеров и квиров постоянно отказывают в регистрации. Организации, которым отказывают в регистрации, попадают в зону повышенного риска, поскольку их члены могут быть обвинены и осуждены за экстремизм. Она напоминает, что международное право защищает незарегистрированные организации (A/HRC/20/27, пункт 96). Она приветствует предлагаемую реформу Закона «О порядке организации и проведения мирных собраний, митингов, шествий, пикетов и демонстраций» и призывает к постоянному взаимодействию с УВКПЧ в этом процессе, а также отмечает заслуживающее одобрения заявление Президента о вовлечении гражданского общества.

d) *Дополнительные административные ограничения, налагаемые после отбытия наказания*

17. Специальный докладчик отмечает, что после отбытия наказания по первоначальным приговорам к лишению или ограничению свободы активисты гражданского общества и лидеры оппозиции часто подвергаются дополнительным ограничениям своих основных свобод по соображениям безопасности. Эти дополнительные ограничения, сформулированные как «лишение права заниматься общественной деятельностью»¹⁶, препятствуют участию в мирных протестах и политических собраниях, а также посещению семинаров/тренингов (в том числе с участием международных организаций) и могут быть установлены на длительный срок. Эти ограничения, связанные все с той же не имеющей точного определения и зависящей от контекста концепцией экстремизма, придают длительный характер несоразмерным нарушениям прав гражданского общества на свободу выражения мнений, ассоциаций и участия в государственных делах.

18. Специальный докладчик выражает обеспокоенность по поводу режима административного надзора, применяемого к лицам, отбывшим наказание за преступления, связанные с терроризмом и экстремизмом. В соответствии с этим режимом такие лица ставятся на профилактический контроль в правоохранительных органах в целях оказания им социальной и правовой помощи. Она обеспокоена тем, что на практике упор сделан именно на контроль, а не на оказание помощи. Учитывая

¹⁵ Кодекс об административных правонарушениях, статья 489.

¹⁶ Уголовный кодекс, статья 50.

широкую трактовку преступления экстремизма, административный надзор является дополнительным средством, позволяющим правоохранным органам жестко контролировать и стигматизировать лиц, мирно осуществляющих свои основные свободы. Она также обеспокоена полученными ею сообщениями о записи разговоров в камерах осужденных лиц с единственной целью увеличения срока их наказания.

е) Меры, жестко регулирующие деятельность гражданского общества

19. Специальному докладчику также известно о чрезвычайно широких мерах по жесткому регулированию гражданского общества, которые власти обосновывают требованием выполнить рекомендацию 8 Группы по разработке финансовых мер по борьбе с отмыванием денег, касающуюся некоммерческих организаций¹⁷. Она особо отмечает слишком широкое определение «благотворительных» и «религиозных» организаций, которые считаются наиболее привлекательными для террористов. По ее мнению, введение обременительных требований об обязательной ежегодной отчетности неправительственных организаций (НПО) в сочетании с уголовной ответственностью за предоставление ложной информации не только сводит на нет право НПО на неприкосновенность частной жизни, усиливая государственный контроль над их деятельностью, но и умножает основания, по которым они могут быть произвольно подвергнуты наказанию. Она подчеркивает, что практически любую входящую или исходящую транзакцию организации гражданского общества, можно подогнать под определение «подозрительной» или «ненадежной». Такие меры выходят за рамки рекомендации 8 и не могут считаться ни необходимыми, ни соразмерными.

ф) Включение в перечень организаций и лиц, связанных с финансированием терроризма

20. С учетом широкого толкования понятий терроризма и экстремизма Специальный докладчик особенно обеспокоен тем, что в национальный перечень организаций и лиц, связанных с финансированием терроризма, помимо лиц, осужденных за преступления, связанные с финансированием терроризма, автоматически включаются лица, осужденные за другие (не связанные с финансированием) преступления террористического характера; лица, осужденные за экстремизм; а также лица, подозреваемые в причастности к этим преступлениям, в отношении которых отсутствуют достаточные доказательства для их судебного преследования¹⁸, что, как представляется, является произволом и свидетельствует об отсутствии достаточного надзора¹⁹. Хотя существует процедура исключения из перечня, процесс включения в перечень лиц, которые не были осуждены за уголовное преступление, представляется совершенно не прозрачным (они могут быть исключены из перечня только в случае изменения обстоятельств, связанных с их первоначальным включением в перечень). Учитывая, что данная процедура не направлена на предоставление возможности доказать неправомерное включение в перечень или каким-то образом смягчить последствия этого включения, она не может привести к тщательному и соответствующему правам человека пересмотру. Специальный докладчик выражает свое крайнее беспокойство по поводу трудностей, с которыми сталкиваются члены семьи и иждивенцы лиц, включенных в перечень (замораживание активов, запрет на участие в определенных коммерческих операциях и нотариальных действиях), и широты оснований для включения в этот перечень, приводящей к ущемлению прав женщин и детей, предусмотренных Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах, и искажающей основание для включения в перечень, установленное в резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности,

¹⁷ Законы «О внесении изменений в некоторые законодательные акты по вопросам деятельности некоммерческих организаций» и «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

¹⁸ Внесудебное включение основано на обобщенных Генеральной прокуратурой данных, полученных от правоохранительных и специальных государственных органов.

¹⁹ По данным Комитета по финансовому мониторингу, в этом списке фигурируют 1 896 человек и 90 организаций, 155 из которых были добавлены Генеральной прокуратурой в качестве превентивной меры в ходе расследований.

требующей включения в перечень на национальном уровне в целях борьбы с финансированием терроризма. Она считает, что существующих внутренних средств правовой защиты недостаточно для того, чтобы смягчить эти трудности. Что касается санкционного перечня по ИГИЛ (ДАИШ) и «Аль-Каиде», Специальный докладчик указывает на отсутствие правовой определенности и надлежащих процессуальных гарантий в отношении ведения этого перечня, а также отмечает, что не совсем понятно, какая государственная структура несет общую ответственность за выполнение этих задач. Она подчеркивает, что резолюции Совета Безопасности о борьбе с терроризмом, в том числе резолюции, касающиеся санкций, не дают права уклоняться от соблюдения прав человека.

2. Дискриминационные, непропорциональные и произвольные последствия пересекания мер для гражданского общества

21. Специальный докладчик вновь выражает свою обеспокоенность в связи с использованием совокупности дублирующих друг друга контртеррористических мер в отношении гражданского общества. Она также встревожена тем, что имеющие широкий охват и ограничивающие права нормативные положения, которые теоретически применяются в равной степени ко всем, к сожалению, неизменно нацелены на определенные группы и меньшинства. Она отмечает, что правовые различия и дискриминационные подходы в отношении меньшинств и отдельных социальных групп, усиливающие маргинализацию и дискриминацию в обществе, являются теми негативными особенностями правового поля, которые подпитывают насильственный экстремизм, который, в свою очередь, ведет к терроризму²⁰. Специальный докладчик также подчеркивает, что эта нормативная матрица дублирующих друг друга мер по ограничению прав допускает межсекторальную дискриминацию, которая оказывает особое воздействие на женщин и сообщество лесбиянок, гомосексуалов, бисексуалов, трансгендеров и квиров.

22. Одним из проявлений жесткого подхода правительства является большое количество арестованных и задержанных в апреле и мае 2019 года лиц, многим из которых были также предъявлены обвинения по статье 405. Специальный докладчик отмечает, что за последние пять лет десятки активистов гражданского общества, блогеров и религиозных деятелей были привлечены к уголовной ответственности, а еще десятки – задержаны и заключены под стражу на основании положений об экстремизме, что свидетельствует о чрезмерно широком применении уголовного наказания за выражение несогласного мнения, как, например, в деле Макса Бокаева и Талгата Айана, которые были арестованы за мирный протест против поправок к Земельному кодексу в мае 2016 года²¹. Количество возбужденных дел и вынесенных приговоров, особенно за экстремизм, говорит о чрезмерном рвении судебных органов. По данным Верховного суда, в 2014 году за преступления экстремизма были осуждены 37 человек, а в 2018 году их число резко возросло до 156 человек. Увеличивается также число административных преследований. По данным гражданского общества²², в 2018 году в отношении 139 лиц, религиозных общин, благотворительных организаций и компаний было возбуждено 165 административных дел, о которых имеется информация, в то время как за первые шесть месяцев 2019 года было возбуждено не менее 104 административных дел за несанкционированное отправление религиозных обрядов, миссионерскую деятельность, распространение религиозной литературы и предметов в магазинах или через Интернет или за использование слова «аминь» при отправлении религиозных обрядов в мечети, из которых 92 завершились вынесением обвинительных приговоров и штрафами, а также временным запретом на деятельность, постоянным запретом на место отправления религиозных обрядов, изъятием и уничтожением религиозной литературы.

²⁰ См. United Nations Development Programme, *Journey to Extremism in Africa* (New York, 2017) и A/HRC/40/52.

²¹ См. A/HRC/WGAD/2017/16. Макс Бокаев остается в тюрьме.

²² Felix Corley, “Kazakhstan: 104 administrative prosecutions in January–June 2019”, Forum 18, 19 July 2019.

23. Глубокую тревогу вызывает ряд методов обеспечения безопасности, в основе которых лежит борьба с терроризмом или экстремизмом и которые, как представляется, направлены на то, чтобы посеять страх среди активистов и подавить потенциал гражданского общества. Ряд лиц сообщали, что длительное время находятся под наблюдением спецслужб, за ними следят, их фотографируют, им и их родственникам поступают прямые или косвенные угрозы. Некоторые из них боялись встречаться или свободно и открыто говорить со Специальным докладчиком. Специальный докладчик прекрасно понимает, что, если заставить замолчать одного человека, это может оказать сковывающий эффект на целую группу. Она также была проинформирована о предполагаемом использовании Казахстаном механизма «уведомления с красным углом» Международной организации уголовной полиции (Интерпол) в отношении гражданского общества, политической оппозиции и журналистов. Она отмечает, что любые попытки интернационализировать далеко не безупречное законодательство государства о терроризме и экстремизме представляются ей крайне тревожной практикой.

3. Конкретное воздействие на религиозные права и абсолютные права на свободу мысли и убеждений

24. Высказывается серьезная обеспокоенность по поводу того, что ненасильственная критика в адрес государственной политики может квалифицироваться в качестве уголовно наказуемого деяния (A/HRC/37/52, пункт 47). Еще более глубокую озабоченность вызывает тот факт, что законодательные положения о терроризме и экстремизме позволяют властям незаметно перейти от криминализации актов терроризма к криминализации экстремистских мыслей и убеждений (рассматриваемых в качестве предпосылки терроризма). Вместе с тем она отмечает, что на практике такой «переход», по сути, означает фундаментальное изменение парадигмы, состоящее в проведении различия между насильственными и ненасильственными действиями, а также между криминализацией деяний и криминализацией мыслей и убеждений.

25. Специальный докладчик выражает глубокое беспокойство в связи с ограничением абсолютного права иметь убеждения в контексте более широкого права на свободу религии или убеждений, обусловленным законодательством и практикой в области борьбы с экстремизмом²³. Это право не зависит от какого-либо административного санкционирования (A/HRC/28/66/Add.1, пункты 19 и 26). Ограничения не применяются к убеждениям как таковым, а в допускаемых в соответствии с пунктом 3 статьи 18 Международного пакта о гражданских и политических правах случаях они должны устанавливаться законом, быть явно необходимыми, соразмерными и недискриминационными по смыслу и воздействию, а также преследовать законную цель. Как отметил Комитет по правам человека в своих заключительных замечаниях в июле 2016 года, для предупреждения экстремизма и борьбы с ним, сохранения светского характера и «религиозной умеренности» государства²⁴ принимаются меры жесткого регулирования религиозной деятельности, прямо ущемляющие право на свободу вероисповедания и права отдельных религиозных групп²⁵. Комитет выразил озабоченность в связи с тем, что объектом контртеррористической деятельности становятся явные или предполагаемые члены запрещенных или незарегистрированных исламских групп, таких как «Таблиги Джамаат» (CCPR/C/KAZ/CO/2, пункт 13). Специальный докладчик указывает на наличие системной практики введения ограничительных регистрационных требований в отношении организованного и публичного ведения религиозной деятельности (CCPR/C/125/D/2312/2013, пункт 7.6) и ограничений на ввоз и распространение религиозной литературы, направленных на отдельные группы и лиц, осуществляющих свое право на свободу мысли, совести и религии. Она с

²³ Международный пакт о гражданских и политических правах, пункт 1 статьи 18.

²⁴ Обратите внимание на особую роль созданного в 2016 году Министерства по делам религии и гражданского общества.

²⁵ Закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» с последними изменениями и дополнениями, внесенными в 2018 году.

озабоченностью отмечает, что приговоры, выносимые лицам, осужденным за различные формы незаконного отправления религиозных обрядов, предусматривают всевозможные ограничения прав после отбытия наказания в виде тюремного заключения, включая запрет на посещение мест отправления религиозных обрядов или совместное с другими лицами исповедание своей веры в течение длительного периода времени.

26. Внимание Специального докладчика было обращено на использование совокупности этих мер в отношении определенных религиозных групп, в частности различных протестантских групп, включая баптистов, лютеран, Протестантскую церковь Возрождения, а также «Харе Кришна» и «Свидетелей Иеговы». Однако эти меры в основном направлены на благочестивые неханафитские мусульманские группы, включая азербайджанскую общину. Некоторые случаи свидетельствуют о злоупотреблении положениями о свободе вероисповедания. Сакен Тулбаев, с которым Специальный докладчик встретился во время своего визита, получил почти пять лет тюремного заключения за мирное исповедание своей религии с лишением права в течение трех лет заниматься «деятельностью, направленной на удовлетворение религиозных потребностей верующих». Она была очень тронута тяжелой участью глубоко верующего пожилого человека, получившего тюремный срок за свою веру. Теймур Ахмедов, свидетель Иеговы, был приговорен к пяти годам тюрьмы с лишением права заниматься религиозной деятельностью в течение трех лет за молитвы в частном доме. Жанна Умирова была приговорена к пяти годам лишения свободы за размещение видео в социальных сетях. По мнению Специального докладчика, действующее законодательство о противодействии терроризму и экстремизму, равно как и административные процедуры Казахстана, которые делают нормой ограничение прав для некоторых групп, влекут за собой далеко идущие последствия, о которых все чаще заявляют юристы-практики и эксперты в области профилактики и пресечения насильственного экстремизма. Законодательство об экстремизме и практика его применения, постоянно ограничивающие права, не открывают государствам тот короткий путь к цели, которым следует воспользоваться, если они действительно стремятся устранить условия, порождающие и подпитывающие экстремизм и мобилизационную активность (A/HRC/37/52, пункт 61).

4. Ограничения свободы выражения мнений и информации в режиме онлайн

27. Во время своего визита Специальный докладчик столкнулась со многими случаями блокировки Интернета. Она была информирована о том, что 9 мая – в день ее прибытия – в ряде регионов страны была временно приостановлена работа нескольких независимых информационных агентств и социальных сетей. По данным правительства, в 2017 и 2018 годах по распоряжению Генерального прокурора администраторы сайтов удалили 317 000 веб-страниц. Кроме того, в течение того же периода на основании судебных постановлений или предписаний Генерального прокурора или другого соответствующего государственного органа был ограничен доступ к более чем 19 000 веб-сайтов. Специальному докладчику также сообщили о том, что по результатам независимого исследования заблокировано до 29 458 веб-сайтов. Информация, полученная ей в ходе встреч и предоставленная правительством, указывает на то, что определенные веб-сайты, включая социальные сети, интернет-ресурсы для скачивания музыки и другие, блокировались и продолжают блокироваться по решению Генерального прокурора на очень широких основаниях. Учитывая и без того очень сложную обстановку, в которой действуют активисты, гражданское общество и правозащитники в Казахстане, большую озабоченность вызывает очевидная несоразмерность таких масштабных мер на основании лишенных конкретики угроз терроризма и экстремизма.

28. Беспокойство вызывает также тот факт, что, несмотря на существующие правовые положения, правительство при принятии этих мер, по всей видимости, само не имеет четкого представления об правовом основании, процедуре и ответственности. Государства испытывают серьезную озабоченность по поводу использования информационно-коммуникационных технологий в целях радикализации, вербовки и подстрекательства других лиц. Вместе с тем, учитывая роль информационно-

коммуникационных технологий в содействии осуществлению прав человека и крайне негативные потенциальные последствия мер по ограничению доступа для свободного обмена идеями и информацией, удаление, закрытие, запрещение и блокировка веб-сайтов, веб-страниц, блогов, видеоматериалов, статей или сообщений в социальных сетях во всех случаях должны соответствовать принципам законности, соразмерности, необходимости и недискриминации, и осуществляться при условии наличия эффективных средств правовой защиты.

В. Обращение с лицами, обвиняемыми в актах терроризма и экстремизма

29. С момента создания государства Тюремная инфраструктура Казахстана претерпела значительные изменения. Унаследовав советскую тюремную инфраструктуру, в том числе чрезвычайно высокие показатели лишения свободы, Казахстан в своей общей уголовно-исполнительной практике принимает меры, направленные на значительное сокращение численности заключенных, более частое использование условно-досрочного освобождения, реализацию стратегий реабилитации заключенных через возможности трудоустройства в период нахождения в тюрьме, объединение семей и социализацию для возвращения к нормальной жизни²⁶. Эти меры заслуживают высокой оценки и представляют собой позитивный шаг в области уголовной политики и прав человека. В ходе своего визита Специальный докладчик посетила следственный изолятор в Талдыкоргане, где ей была предоставлена возможность осмотреть камеры и провести конфиденциальные беседы с заключенными, осужденными за совершение актов терроризма.

1. пытки и жестокое обращение

30. Специальный докладчик с удовлетворением отмечает провозглашенную Казахстаном приверженность политике абсолютной нетерпимости к пыткам и жестокому обращению, создание национального механизма по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания, который за последние пять лет осуществил 2 407 посещений (как превентивных, так и специальных), в том числе 488 в 2018 году, а также создание под эгидой Уполномоченного по правам человека национального превентивного механизма. Вместе с тем у нее сохраняется озабоченность по поводу осуществления и строгого соблюдения на практике запрета на применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений, связанных с терроризмом, или осужденных за них. В качестве одной из слабых сторон аппарата Уполномоченного по правам человека она называет отсутствие регионального присутствия и его расположенность в строго охраняемом правительственном здании.

31. Во время посещения следственного изолятора Специальный докладчик отметила, что некоторые заключенные опасались репрессий за беседу с ней. Она постоянно получала сообщения о том, что до перевода в изолятор Талдыкоргана некоторые из заключенных, с которыми она общалась, подвергались жестокому обращению во время содержания под стражей, в частности речь идет о побоях в качестве «приветствия» при поступлении новопривывших заключенных в карантин²⁷. Она лично видела следы на теле, которые соответствовали показаниям одного из опрошенных лиц о жестоком обращении с ним.

32. Хотя Специальный докладчик признает, что в каждом коридоре в СИЗО Талдыкоргана имеется стационарный телефон и ящик для жалоб, она отмечает, что вероятность их активного использоваться на практике довольно мала. Некоторые из лиц, с которыми она беседовала, сообщили ей, что для подачи жалобы на применение пыток необходим адвокат, что может стать непреодолимым препятствием для заключенного, особенно если он находится в изоляторе временного содержания.

²⁶ См. www.prisonstudies.org/country/kazakhstan.

²⁷ Уголовный кодекс, статья 93.

Кроме того, она отмечает, что, хотя виновные в нескольких случаях были привлечены к ответственности, что не может не приветствоваться, она не получила от государственных ведомств ясного ответа ни о точном числе обвинительных приговоров, ни о том, какие конкретные и практические средства правовой защиты доступны заключенным, ставшим жертвами жестокого обращения, включая, в частности, реабилитацию. Она особенно обеспокоена тем, что, согласно сообщениям, значительное число дел было прекращено в связи с чрезмерными высокими критериями доказательности и что единственным очевидным средством правовой защиты было прекращение любых контактов злоумышленника с жертвой. Учитывая тяжесть такого преступления, как пытка, этой меры совершенно недостаточно. Вызывает тревогу тот факт, что заявители, не добившиеся успеха в суде, автоматически обвиняются в заведомо ложном доносе, что, по сути, представляет собой меру возмездия.

33. Жертвы пыток и жестокого обращения имеют право на средства правовой защиты и адекватное возмещение причиненного вреда. В ситуациях, когда эти механизмы неэффективны или отсутствуют, право на эффективные средства правовой защиты и возмещение ущерба остается иллюзией, а виновные уходят от ответственности. По мнению Специального докладчика, для того чтобы эти механизмы могли выполнять свою превентивную, защитную и репаративную роль, их необходимо усовершенствовать. Она настоятельно призывает правительство обеспечить, чтобы лица, заявляющие о применении пыток, имели право подавать жалобы, не опасаясь репрессий, и чтобы оперативно проводились тщательные и эффективные расследования разумных утверждений о том, что был совершен акт пытки, чтобы компетентный и независимый орган оперативно и беспристрастно изучал доказательства и предоставлял средства правовой защиты во всех случаях причинения вреда.

2. Содержание под стражей и тюремный режим

34. Специальный докладчик была проинформирована о том, что ранее заключенные, осужденные за преступления, связанные с терроризмом и экстремизмом, содержались в централизованных местах, в которых им обеспечивались все предусмотренные законом права (включая свидания с родственниками), однако с изменением практики в 2017 году такие заключенные стали размещаться в центрах предварительного заключения смешанного типа. В целом Специальный докладчик обеспокоена тем, что режим содержания под стражей лиц, обвиняемых или осужденных за акты терроризма, де-юре (посредством применения исключений и разрешенных дискреционных полномочий) и де-факто регламентируется исключительными правилами. Она подчеркивает, что на преступления, связанные с терроризмом, не распространяются положения об освобождении под залог или досрочном освобождении. Кроме того, хотя по закону на лиц, осужденных за террористические акты, распространяются те же правила, что и на лиц, осужденных за другие преступления, на практике решение о привлечении их к участию в программе дерадикализации и, таким образом, обособлении от других заключенных, принимает администрация пенитенциарного учреждения, в котором они отбывают наказание. Кроме того, Специальный докладчик крайне обеспокоена тем, что режим содержания под стражей таких лиц предполагает ограничение таких привилегий, как свидания с родственниками (которые часто предоставляются лишь раз в год), отдых и прогулки, и определяется «негативной динамикой», которая не зависит от желания заключенных открыто и активно участвовать в программах дерадикализации. Специальный докладчик также получила достоверную информацию о регулярном использовании одиночного заключения для заключенных, обвиняемых в преступлениях, связанных с терроризмом и экстремизмом. Она отмечает, что длительная изоляции может иметь тяжелые медицинские, социальные и психосоциальные последствия и что одиночное заключение и аналогичные формы лишения человека контакта с другими людьми на длительный период времени равносильны бесчеловечному или унижающему достоинство обращению (A/HRC/13/39/Add.5, пункт 234).

35. По мнению Специального докладчика, особый характер режима и ограничение прав на основе субъективной оценки противоречат нормам международного права. Она обеспокоена тем, что религиозные убеждения и верования используются в качестве классификатора степени радикализации. Поскольку заключенный не может опровергнуть присвоенную ему категорию или оспорить критерии, используемые для определения степени радикализации, это может быть равносильно как прямой, так и косвенной дискриминации по признаку религиозных убеждений. Специальный докладчик отмечала как в беседах с законными представителями, так и с самими заключенными, что смена режима имеет негативные материальные последствия и противоречит формальным юридическим правам, которые имеются у заключенных на основании вынесенного им приговора, определяющего материальные условия лишения свободы (статья 46 Уголовного кодекса и статья 88 Уголовно-исправительного кодекса). Эти последствия, как представляется, противоречат Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными Организации Объединенных Наций (Правила Нельсона Манделы) и статье 9 Международного пакта о гражданских и политических правах.

3. Условия содержания под стражей

36. В тюрьме Талдыкоргана Специальный докладчик посетила отдельные секции тюрьмы и встретила с заключенными, которым были предъявлены обвинения в совершении различных преступлений, связанных с терроризмом и экстремизмом. Посещенные заключенные отбывают наказание в специальном тюремном блоке. В целом в тюрьме соблюдается порядок и поддерживается чистота, количество спальных мест соответствует количеству заключенных, в камерах имеются книги. При этом туалеты в камерах не отвечают элементарным требованиям, туалетной бумаги не хватает. Возможности заключенных для прогулок и занятий спортом сильно ограничены; место для прогулок представляет собой бетонный «мешок» без каких-либо зеленых насаждений, в котором трудно заниматься физическими упражнениями. Заключенные подтвердили, что могут молиться. Лишь у некоторых из заключенных во время их пребывания в тюрьме были свидания с родственниками, в некоторых случаях даже продолжительные. Все в равной степени расстроены отсутствием постоянных, регулярных и достаточно продолжительных свиданий, что сказывается на их семейных отношениях.

37. Специальный докладчик обеспокоена тем, что, несмотря на экономический прогресс, достигнутый в Казахстане за последние 20 лет, и роскошь и богатство, которые можно наблюдать в его недавно построенной столице, пенитенциарные учреждения находятся в плачевном состоянии, а заключенным не обеспечивается минимум, необходимый для достойного существования, включая надлежащие санитарно-гигиенические условия и рекреационные мероприятия. По ее твердому убеждению, то, как общество обращается со своими заключенными, является одним из лучших показателей культуры прав человека в целом. Она настоятельно рекомендует выделять тюрьмам дополнительные ресурсы в соответствии с общим уровнем развития страны.

С. Исключения в судебных процессах по делам о терроризме и экстремизме

38. Специальный докладчик получила надлежащую информацию о различных видах практики, серьезно подрывающих защиту права на справедливое судебное разбирательство по делам о терроризме и экстремизме. Несмотря на настойчивое требование правительства не применять к этим случаям никаких исключительных правил, на практике судебные процессы по делам о терроризме (и по делам об экстремизме) регулируются конкретными правилами и практикой, касающимися государственной безопасности, которые приводят к появлению глубоких пробелов в отношении принципа равенства состязательных возможностей. Она отмечает, что на практике все судебные процессы по делам о терроризме проводятся в закрытом режиме, а многие судебные процессы по делам об экстремизме окутаны тайной.

В некоторых случаях производство по делу закрыто для общественности, а решения не предаются гласности. Кроме того, в ходе визита был выявлен выборочный подход к засекречиванию доказательств и доступу к ним, а также к привилегированному доступу некоторых адвокатов к государственным секретам с санкции служб безопасности. Даже в ситуациях, когда судебные разбирательства являются открытыми, правила доказывания, касающиеся государственной тайны и разведывательной информации, могут сделать такие судебные разбирательства де-факто закрытыми для общественности. Такое отсутствие транспарентности вызывает серьезную озабоченность в связи со справедливостью судопроизводства. Помимо систематически поступающих сообщений об использовании в ходе судебных разбирательств показаний анонимных свидетелей, законность которых сомнительна, до сведения Специального докладчика также неоднократно доводилась информация об использовании сомнительных, сфабрикованных или фальсифицированных доказательств, о полицейских уловках (например, в деле Теймура Ахмедова) и о «свидетелях», с которыми обвиняемые никогда не встречались (например, в деле Сакена Тулбаева).

39. Специальный докладчик обеспокоена чрезмерной ролью «судебных экспертов», в особенности тех из них, кто выносит заключения по вопросам теологии, филологии и политики как на досудебном, так и на судебном этапах процессов по делам об экстремизме и терроризме. Уголовные обвинения в экстремизме зачастую возбуждаются исключительно на основании заключений экспертов, необходимая квалификация, независимость и нейтралитет которых не подтверждены. Хотя ответчики (и судьи) могут обращаться к частным экспертам (специалистам) для дачи показаний в ходе судебного разбирательства, на практике показания судебных экспертов, прошедших подготовку в национальном центре судебной экспертизы и имеющих доступ к конфиденциальной информации, которую не могут получить другие эксперты имеют гораздо больший вес, чем заключение любой другой представленной ответчиком экспертизы. По мнению Специального докладчика, то значение, которое придается анализу доказательств как таковому, нарушает принцип равенства состязательных возможностей и имеет серьезные последствия для справедливого судебного разбирательства.

40. Кроме того, Специальный докладчик неоднократно слышала о том, что при расследовании дел, касающихся терроризма и экстремизма, следственные органы оказывают на обвиняемых психологическое давление, включая угрозы в адрес членов семьи, с целью получения признательных показаний на самом раннем этапе следственных действий, а также используют статус «свидетеля», который впоследствии может быть изменен на статус обвиняемого. Она обеспокоена тем, что многие лица, обвиняемые в терроризме и экстремизме, не имеют доступа к независимым адвокатам до завершения судебных разбирательств и что им предоставляются адвокаты, которые не являются полностью независимыми и неэффективно исполняют свои служебные обязанности, в результате чего некоторые обвиняемые признают себя виновными в надежде на смягчение наказания²⁸. Выбранные обвиняемыми адвокаты часто поздно получают доступ к доказательствам, что серьезно подрывает принцип равенства состязательных возможностей. Отчаяние, которое испытывают некоторые из обвиняемых в пропаганде религиозного экстремизма и терроризма, можно проиллюстрировать сообщениями о том, как несколько человек перерезали себе вены на запястьях прямо в зале суда после того, как суд отклонил просьбу о вызове для дачи показаний дополнительных свидетелей и экспертов²⁹.

41. Каждый вид такой практики по отдельности равносителен нарушению положений о праве на справедливое судебное разбирательство, содержащихся в статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. Вместе с тем в общей атмосфере страха и недоверия к правительству во многих ключевых сегментах и слоях общества такие виды практики в совокупности являются явным нарушением права на

²⁸ Уголовно-процессуальный кодекс, статьи 612–621.

²⁹ См. www.rferl.org/a/terror-trial-in-kazakhstan-adjoined-after-defendants-cut-selves/29624270.html.

справедливое судебное разбирательство и характеризуют суды, занимающиеся этими делами, как исключительные суды, не отвечающие международным стандартам.

42. Специальный докладчик, в частности, выражает весьма серьезную озабоченность в связи с атмосферой страха, которую испытывают независимые адвокаты-правозащитники, часто безвозмездно ведущие дела о терроризме и экстремизме. Она отмечает их постоянные сообщения о давлении со стороны государственных служб безопасности, надзоре и запугивании со стороны государственных органов, включая угрозу аннулировать лицензию или изменить статус с защитника на свидетеля в ходе судебного разбирательства по делу их клиента. Такая практика серьезно подрывает доверие общества к государству и его судебной системе и в конечном счете к верховенству права как таковому³⁰. В этой связи она напоминает об обязательствах государств в соответствии с резолюцией 36/21 Совета по правам человека принимать все надлежащие меры для предотвращения актов запугивания или репрессий, с тем чтобы эффективно защищать от них тех, кто сотрудничает с Организацией Объединенных Наций, ее представителями и механизмами в области прав человека, и обеспечивать привлечение к ответственности виновных в таких актах.

D. Правовые и институциональные механизмы противодействия угрозе терроризма

1. Чрезмерная активность органов безопасности

43. Несмотря на то, что в настоящее время уровень террористической угрозы оценивается как «низкий», государственный аппарат по борьбе с терроризмом, возглавляемый Комитетом национальной безопасности и функционирующий через Антитеррористический центр, имеет более 409 региональных отделений (205 комиссий по предотвращению терроризма и 204 оперативных штаба по борьбе с терроризмом) по всей стране. Реальный уровень угрозы экстремизма и терроризма, как представляется, не оправдывает таких масштабных ограничений свободы выражения мнений и собраний, которые проявляются в чрезмерном усилении мер безопасности и снижают общий уровень обеспечения верховенства права и защиты прав человека во многих сферах.

44. Расследованием преступлений террористической и экстремистской направленности занимаются Комитет национальной безопасности и полиция, имеющие аналогичные законодательные полномочия по поддержанию правопорядка. В общем смысле Комитет ведет работу по выявлению преступлений террористического и экстремистского характера, а полиция принимает меры по борьбе с ними. На практике Комитет обладает широкими полномочиями по ведению слежки. Хотя Специального докладчика заверили в том, что никакие тайные меры по выявлению преступлений не могут применяться без санкции суда, она обеспокоена неоднократными сообщениями об использовании специальных следственных методов, включая внедрение агентов – провокаторов в случаях терроризма или экстремизма, темпами возбуждения расследований, которые, хоть и прекращаются до предъявления обвинений, свидетельствуют о чрезмерно активных усилиях по идентификации лиц, возможно причастных к таким преступлениям; а также практикой вынесения официальных предостережений в тех случаях, когда уголовное преследование не возбуждается, которые можно рассматривать в качестве угрозы и сдерживающего фактора для законного осуществления основных свобод.

2. Антитеррористические операции и чрезвычайные режимы

45. Специальный докладчик отмечает, что закон о проведении антитеррористических операций имеет широкий охват и действует в системе внутреннего законодательства как комплекс чрезвычайных норм. Она отмечает

³⁰ См. Основные принципы, касающиеся роли юристов, и резолюцию 45/166 Генеральной Ассамблеи.

обеспокоенность по поводу положений, которые могут способствовать безнаказанности за нарушения, совершенные во время осуществления контртеррористических операций. В ходе контртеррористических операций власти наделены широкими полномочиями и могут остановить, обыскать, задержать и арестовать без предъявления ордера любое лицо. Вызывает тревогу тот факт, что такие положения допускают применение силы, в том числе смертоносной, в отношении любого лица, которое определяется как террорист. Такие положения противоречат строгим нормам международного права в области прав человека, касающихся права на жизнь и применения силы сотрудниками правоохранительных органов, в которых четко указано, что применение силы должно быть соразмерным и что применение смертоносной силы в качестве крайнего средства (*ultima ratio*) допустимо исключительно в целях самообороны и когда исчерпаны все другие средства, включая несмертоносную силу³¹. Она напоминает, что применение силы должно быть строго ограничено и должно соответствовать Основным принципам применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка.

46. Кроме того, законодательство предусматривает чрезмерный иммунитет для сотрудников правоохранительных органов, который полностью ограждает их от ответственности³². Согласно полученной информации, последний раз такой иммунитет был задействован в Актобе в июне 2016 года, когда 7 человек были убиты и 31 ранен. В ходе последовавшей за этим контртеррористической операции 18 подозреваемых в совершении нападений были убиты и 9 арестованы. Не имея возможности получить точную информацию из официальных источников, Специальный докладчик поражена секретностью, которая окружает эту операцию. Ей ясно, что, когда сотрудники правоохранительных органов применяют смертоносную силу, власти должны осуществить независимое, беспристрастное, эффективное и публичное расследование для определения законности применения силы и обеспечения привлечения к ответственности виновных.

47. Специальный докладчик также обеспокоена положениями, которые накладывают ограничения на проведение похоронных церемоний и предусматривают сохранение в тайне места захоронения лиц, осужденных за акты терроризма, и «предполагаемых террористов», погибших от рук сотрудников сил безопасности в ходе контртеррористических операций³³. К умершим следует относиться с уважением и достоинством в соответствии с основополагающими принципами международного права в области прав человека. Несоблюдение этого принципа представляет собой нарушение права на семейную жизнь и даже запрета на применение пыток и жестокого обращения³⁴.

Е. Предупреждение насильственного экстремизма и борьба с ним

48. Специальному докладчику была представлена информация о многочисленных инициативах Казахстана по решению проблемы дерадикализации в контексте экстремизма. К ним относятся инициативы в пенитенциарных учреждениях, с участием молодежи и в социально маргинализированных и отдаленных районах. На данном этапе ключевой инициативой с точки зрения планирования и разработки методологий представляется дерадикализация тюрем.

49. Признавая ценность такой превентивной работы, Специальный докладчик обращает внимание на ряд проблем. Указывая на широкие и неконкретные определения экстремизма, она отмечает, что в Казахстане ведется работа по дерадикализации лиц, осужденных за экстремизм, а не лиц, осужденных по закону о

³¹ Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 6, и Комитет по правам человека, замечание общего порядка № 36 (2018) о праве на жизнь, пункт 12.

³² Там же.

³³ Закон о противодействии терроризму, статья 21-1.

³⁴ См. *Стаселович против Беларуси* (CCPR/C/77/D/887/1999) и Европейский суд по правам человека, *Сабанчиева и другие против России* (жалоба № 38450/05), решение от 6 июня 2013 года.

насильственном экстремизме. Поэтому с юридической точки зрения не ясно, каким образом отбирается целевая группа лиц для осуществляемых Казахстане международных программ по борьбе с насильственным экстремизмом, производится ли такой отбор на основании справедливых юридических критериев, может ли он быть обжалован в суде и контролируется ли он транспарентным образом. Она предостерегает от правовой опасности создания неформальной и крайне стигматизирующей категории насильственного экстремизма в тюрьмах в тех случаях, когда такая правовая категория отсутствует в законодательстве. Кроме того, что касается текущей работы с тюремным контингентом и другими группами, то критерии присвоения статуса «радикализованный» неясны и могут пересекаться с защищаемыми международно-правовыми категориями высказываниями, собраниями и верованиями, что вызывает обеспокоенность в связи с тем, что объектом дерадикализации действительно является внутренний мир мыслей и убеждений ненасильственных экстремистов (A/HRC/31/18, пункт 7). Она предлагает проводить обзор и осуществлять надзор за программами дерадикализации как со стороны правительства Казахстана, так и со стороны международных организаций и программ в соответствии с требованиями прав человека. Подразделения Организации Объединенных Наций должны уделять особое внимание своим обязательствам по проведению комплексной юридической оценки.

50. Специальный докладчик также особенно обеспокоена Концепцией государственной политики в религиозной сфере на 2017–2020 годы, которая была утверждена в 2017 году. Имея целью выявлять «деструктивные движения» и «экстремистов» и противодействовать им путем возложения официальных обязанностей на органы власти на местном уровне, эта широкая политика порождает ряд дискриминационных видов практики в отношении лиц, которые демонстрируют внешние религиозные признаки или конкретные виды религиозных верований. К этим многочисленным мерам в том числе относятся постановка на учет и задержание. Кроме того, она подчеркивает, что такие программы неизменно создают проблему точного определения целевой группы населения и сопряжены с тем, что государственные органы, опасаясь последствий занижения отчетности, неоправданно расширяют списки запрещенных организаций и лиц, причастных к терроризму. Эта проблема особенно актуальна в контексте Казахстана, где определение ненасильственного «экстремизма» является чрезвычайно широким. Она подчеркивает, что вместо этого успешная политика должна быть направлена на оказание помощи отдельным лицам и общинам в укреплении устойчивости к угрозе насильственного экстремизма, ведущего к терроризму.

Е. Вопросы, связанные с невыдворением, гражданством и расселением

1. Невыдворение

51. Во время поездки внимание Специального докладчика было обращено на риски, с которыми сталкиваются этнические казахи, въезжающие в Казахстан из Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Она отмечает, что в марте 2019 года Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по правам человека призвала провести независимую оценку продолжающих поступать сообщений о масштабной практике насильственных исчезновений и произвольных задержаний. В этой связи, не делая поспешных выводов о ситуации, Специальный докладчик напоминает, что при поступлении запроса о высылке, возвращении или выдаче лица другому государству при наличии серьезных оснований полагать, что ему может угрожать применение пыток, должен в полной мере соблюдаться принцип невысылки в качестве абсолютного принципа международного и обычного права.

2. Лишение гражданства

52. Конституция (пункт 2 статьи 10), Уголовный кодекс (статьи 40 и 50 (1)) и недавно измененный Закон «О гражданстве» (статья 19) допускают лишение гражданства за преступления, связанные с терроризмом, в том числе за участие в

конфликтах или экстремистской деятельности за рубежом. По закону граждане Казахстана имеют право на одно гражданство.

53. В соответствии с международным правом государства могут лишать лиц гражданства, когда они ведут себя таким образом, что причиняет серьезный вред жизненным интересам государства³⁵, при условии, что эта мера соответствует необходимым гарантиям, включая возможность эффективного оспаривания решений в независимом органе (в идеале – в судебном) (A/HRC/25/28, пункты 31–34, и A/69/10, стр. 32). Принимаемые решения должны соответствовать абсолютному запрету выдворения (A/62/263, пункты 50–51). Специальный докладчик была проинформирована о том, что положения о лишении гражданства не применяются в делах о терроризме; она хотела бы призвать правительство придерживаться стандартов международного права в этом вопросе³⁶.

3. Переселение

54. Специальный докладчик была проинформирована о положении двух лиц, которые были переведены в Казахстан из Гуантанамо в 2014 году после 10 лет содержания под стражей и получения разрешения на освобождение в рамках детальной процедуры пересмотра, проведенного Целевой группой по пересмотру в Гуантанамо. При освобождении этих лиц заверили в том, что их переселение носит постоянный характер, и они смогут начать новую жизнь в условиях безопасности. Тем не менее, как сообщается, у них никогда не было четкого правового статуса в Казахстане, если не считать предоставленные на непродолжительное время документы просителей убежища. Она подчеркивает, что независимо от их нынешнего статуса в Казахстане на этих лиц по-прежнему в полной мере распространяется защита международных норм в области прав человека, включая абсолютный запрет на пытки и жестокое обращение, принудительное возвращение и произвольное задержание. Она напоминает о праве этих людей на личную и семейную жизнь. Она настоятельно призывает правительство найти соответствующее правам человека решение для исправления их бедственного положения либо в Казахстане, либо в безопасной третьей стране.

G. Иностранные боевики и члены их семей

55. Специальный докладчик помнит о проблемах, связанных с возвращением иностранных боевиков из зон конфликтов, в том числе лиц, которые могли совершить акты терроризма или другие преступления по международному праву. Она высоко оценивает решение Казахстана принять активное участие в возвращении своих граждан из зон конфликтов. Этот передовой опыт демонстрирует лидерство, которого, к сожалению, во многих других государствах в этом вопросе не хватает. Казахстан ведет постоянный диалог на всех уровнях правительства, направленный на поиск оптимального подхода к решению проблем, связанных с репатриацией иностранных боевиков и их семей. Казахстан также тщательно и в позитивном ключе занимается этими вопросами на международном уровне, демонстрируя, как можно оптимизировать партнерские отношения с другими государствами и международными организациями в отслеживании, выявлении и предоставлении практических средств для вывоза лиц с территорий, находящихся под контролем негосударственных субъектов, и обеспечения их безопасного возвращения в страны их гражданства. Специальный докладчик подчеркивает, что такой подход соответствует обязательствам Казахстана в области прав человека, и отмечает масштабность, устойчивость и последовательность этих усилий с учетом долгосрочных интересов государства в области безопасности.

56. Специальный докладчик отмечает, что все возвращающиеся лица проходят строгую проверку для определения того, подлежат ли они уголовной ответственности. Некоторые из вернувшихся, включая по меньшей мере пять женщин, были арестованы

³⁵ Конвенция о сокращении безгражданства, пункт 3 а) ii) статьи 8.

³⁶ Там же, пункт 1 статьи 8.

и переданы правоохранительным органам. Специальный докладчик настоятельно призывает правительство обеспечивать защиту прав возвращающихся лиц при принятии мер в области безопасности путем соблюдения норм национального и международного права и создания условий для справедливого судебного разбирательства в отношении лиц, обвиняемых в совершении преступлений. Во время посещения «центра адаптации» в Актау, куда неделю назад доставили 231 женщину и ребенка, у нее была возможность встретиться с несколькими возвращенцами через систему созданных «реабилитационных центров», которые предоставляют юридические и другие консультации для обеспечения нормализации положения таких женщин и их детей. Она отмечает, что проводимая такими центрами работа, которая по своему характеру является гуманитарной и вспомогательной, необходима для обеспечения практической интеграции в общество женщин и детей, переехавших в зоны конфликтов за рубежом или родившихся там, и приветствует внимание, уделяемое правительством вопросам интеграции и реабилитации.

57. Вместе с тем Специальный докладчик сожалеет о том, что в таких программах чрезмерный упор сделан на религиозной нормализации, и подчеркивает в русле общих выводов, сформулированных в настоящем докладе, что право на свободу религиозных убеждений должно надежно защищаться правительством. Она выражает недовольство в связи с тем, что широкое и научно обоснованное понимание реабилитации было вытеснено теологическими критериями. Ее особенно поразило то, что для ключевого персонала этих центров критерием успешной дерадикализации служит отсутствие религиозной одежды и длина женского платья. Она также отмечает опасность этического компромисса, когда специалисты, оказывающие медицинские, социальные и образовательные услуги этой группе населения, по сути становятся аванпостом безопасности государства, что ставит под угрозу обеспечение основных экономических и социальных прав наиболее уязвимых лиц³⁷. Признавая обеспокоенность по поводу безопасности, вызванную возвращением лиц, которые могли совершить серьезные преступления по международному праву, Специальный докладчик также выражает озабоченность отсутствием транспарентности как в отношении правовых оснований для содержания под стражей женщин и детей, которые не могли встречаться или контактировать со своими семьями в течение одного месяца, находясь в лагере в Актау, так и в отношении явного присутствия служб безопасности и их роли в проведении допросов задержанных лиц. Неопределенность в отношении таких четких и основных вопросов прав человека является нежелательной. Она призывает правительство продемонстрировать большую транспарентность, особенно с учетом того, что многие аспекты его работы в этой области заслуживают похвалы.

III. Выводы и рекомендации

58. С момента обретения независимости Казахстан занимает видное место в глобальной повестке в области мира и безопасности, в том числе в борьбе с терроризмом. Страна играет ведущую роль в репатриации своих граждан из зон конфликтов, в которых действуют террористические группы. Вместе с тем на национальном уровне подобные тенденции пока не просматриваются, поскольку аппарат по борьбе с терроризмом и экстремизмом Казахстана нуждается в существенных преобразованиях как с оперативной, так и с правовой точки зрения, с тем чтобы соответствовать нормам международного права. Чрезмерно раздутые службы безопасности, многочисленные перекрывающиеся уровни законодательства и ведомств, которые существуют главным образом для того, чтобы создать видимость системы, основанной на верховенстве права, и приверженности принципу равенства, который на практике не учитывает межсекторальную уязвимость различных групп и слоев населения, в сочетании с суровыми мерами по предупреждению экстремизма и борьбе с ним создают условия для непродуманных, несоразмерных и дискриминационных мер по

³⁷ См. замечание общего порядка № 3 (1990) Комитета по экономическим, социальным и культурным правам о природе обязательств государств-участников.

противодействию терроризму и экстремизму, оказывающих длительное дискриминационное и непропорциональное воздействие на ряд лиц, групп и общин.

59. Как в концептуальном смысле, так и на практике режимы борьбы с терроризмом и экстремизмом предоставляют властям чрезмерную свободу действий, позволяют выбирать объектом и заставлять молчать тех граждан, которые мирно ставят под сомнение установленный порядок, включая различных субъектов гражданского общества, правозащитников, профсоюзных деятелей, журналистов, блогеров и членов маргинализированных общин или групп, законно осуществляющих свои религиозные свободы. Чрезмерный акцент на экстремизме не имеет оправдания по международному праву. Отсутствие четких определений не соответствует принципу законности, а воздействие на основные свободы не позволяет говорить о соблюдении принципа соразмерности. Чрезмерно ограниченная в своих естественных функциях судебная система не обеспечивает достаточных гарантий и средств правовой защиты, что усугубляет последствия обвинений в терроризме и экстремизме.

60. Специальный докладчик выносит следующие рекомендации:

a) необходимо пересмотреть и значительно сузить определение терроризма в Уголовном кодексе, с тем чтобы оно соответствовало передовой международной практике, включая определение, данное Специальным докладчиком и/или содержащееся в резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности, и не допускало слишком широкого толкования. Следует отменить положения о признании экстремизма уголовным деянием;

b) религиозные верования должны охраняться и не должны квалифицироваться как экстремизм. Рекомендации Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений (см. A/HRC/28/66/Add.1) должны выполняться в полном объеме;

c) не следует ни при каких обстоятельствах толковать мирное осуществление права на свободу выражения мнений как терроризм или экстремизм. Никто не должен привлекаться к уголовной ответственности за осуществление права на свободу мирных собраний и права на свободу ассоциации. Рекомендации Специального докладчика по вопросу о праве на свободу мирных собраний и праве на свободу ассоциации (см. A/HRC/29/25/Add.2) должны быть выполнены в полном объеме;

d) во всех делах, связанных с терроризмом и экстремизмом, должно гарантироваться право на справедливое судебное разбирательство. Судебные процессы должны быть открытыми и прозрачными. Необходимо неукоснительно следовать принципу равенства состязательных возможностей. Обвиняемый должен иметь доступ к независимым адвокатам, у которых, в свою очередь, должно быть достаточно времени и ресурсов для подготовки защиты. Доказательства, представляемые обеими сторонами процесса, должны иметь равный вес, а заключения назначенных государством и прошедших проверку на благонадежность «экспертов» не должны иметь приоритетного значения;

e) лица, осужденные по обвинениям в терроризме или экстремизме, не должны подвергаться дополнительным наказаниям в виде особых условий режима содержания под стражей или ограничений в отношении свиданий с близкими, доступа к образованию и возможностей физических упражнений. Следует положить конец практике двойного наказания лиц, осужденных за терроризм и экстремизм;

f) механизмы подачи жалоб на пытки и жестокое обращение во всех местах содержания под стражей должны стать более эффективными и доступными. Расследования заявлений о пытках должны проводиться *ex officio*, жалобы должны рассматриваться эффективным и своевременным образом с соблюдением принципа конфиденциальности, а заявители не должны подвергаться репрессиям. Необходимо предусмотреть конкретные меры по

устранению физических и психологических последствий пыток в форме возмещения ущерба и реабилитации для жертв пыток и жестокого обращения;

g) минимальные стандарты содержания под стражей в соответствии с Правилами Нельсона Манделы должны соблюдаться в полном объеме. Следует рассмотреть вопрос о выделении дополнительных ресурсов на модернизацию центров содержания под стражей, соразмерных уровню экономического развития государства;

h) аппарат безопасности следует сократить, с тем чтобы адекватно отразить низкий уровень угрозы терроризма в государстве. Чрезвычайные полномочия в форме контртеррористических операций должны быть прозрачными и строго контролироваться; и во всех случаях применения смертоносной силы необходимо проводить независимые, беспристрастные, эффективные и публичные расследования для обеспечения привлечения к ответственности;

i) основания для включения в перечень лиц, подпадающих под действие положений о финансировании терроризма, должны быть коренным образом пересмотрены в целях обеспечения их соответствия существующим международным обязательствам. Необходимо положить конец применению финансовых санкций и мер контроля в отношении субъектов гражданского общества, групп религиозных меньшинств и других уязвимых субъектов.

61. Кроме того, рекомендуется:

a) Организации Объединенных Наций и другим международным или региональным структурам, предоставляющим финансовые ресурсы и материальную поддержку для реализации программ и инициатив по борьбе с насильственным терроризмом, следует пересмотреть свою политику и практику с учетом своих обязательств по проявлению должной осмотрительности и обеспечить, чтобы они не были де-факто причастны к нарушению основных прав человека;

b) Группе разработки финансовых мер следует тщательно следить за осуществлением рекомендации 8 и обеспечивать, чтобы она не использовалась в качестве основания для нарушения основных прав.
